

спектабельных хозяев жизни. Последний из могокан викторианства, он видит, как рушится здание, казавшееся ему крепостью. Бывший министр консервативен и старомоден со своими претензиями на порядочность в политике, кастовой чопорностью и боязнью «толпы». Дигби не подходит для игры в демократизм и маскировки под «народного деятеля», которая удастся его брату Вилли — владельцу типографии, муниципальному советнику, шефу футбольных клубов, «маленькому королю на своей собственной демократической навозной куче» — и в еще большей степени удастся сыну Вилли, Барни, получившему портфель министра юстиции в лейбористском правительстве. Демагог Барни проповедует единство всех классов. В злой карикатуре Эрнест изобличает его опустошенность, недоступность страстям, подавленным всепоглощающим конформизмом, недоверием ко всему, что не преследует меркантильных целей.

...Сквозь деревья городских аллей доносится приглушенный звон трамваев, над морем в янтарном воздухе парят чайки, холмы отливают медовой желтизной, пьянит аромат яблок — в пейзаже прорывается застенный лиризм Палмера. Природа — цельница, опора, источник обновления. Ферма, где нужно вставать с птицами, чинить изгороди, клеймить ягнят, милее Джорджу, чем юридическая контора. Свенсон, за которого выходит замуж Кэтлин, утверждает, что «наша так называемая цивилизация может лопнуть в любой момент и единственно надежное занятие — это выращивать яблоки и картофель». Но вряд ли Палмер верил, что рецепт спасения — в том, чтобы «возделывать свой сад», когда вокруг разорялись сотни фермеров. Если говорить о поисках выхода, то наиболее примечателен образ Эрнеста.

Для младшего сына Дигби неприемлема деятельность, которая в кругу Суэйнов почитается достойной, — например, служба в акционерном обществе, спекулирующем земельными участками. Но и в кружке дилетантов, любителей чистого искусства, ему душно. «Сбросить старую кожу» Эрнесту помогает дружба с рабочим Коннором, борющимся против эксплуататорской системы. Эрнест вступает за безработных, которых разгоняет полиция, его избивают, арестовывают, судят. Он готов отказаться от уплаты штрафа и сесть в тюрьму вместе с товарищами. Потом вместе с Коннором он отправляется в буш на заработки: «Потолкаться среди простых людей, которые сами добывают себе хлеб насущный, и узнать, чем живет мой народ!» Эрнест сделал выбор между двумя лагерями, и оценка его содержится в словах Кэтлин: «Если кому-то из Суэйнов предстоит зря прожить жизнь, то не Эрнесту».

В романе нет главного героя, нет партии для солиста в сопровождении оркестра. Каждый из голосов ансамбля почти так же важен, как остальные. Они сливаются, расходятся, затухают. Но мелодия Эрнеста — самая жизнерадостная и мятежная.

А. ПЕТРИКОВСКАЯ

ПИСЬМА ПОЭТА

Шелли. Письма. Статьи. Фрагменты. Издание подготовили З. Е. Александрова, А. А. Елистратова, Ю. М. Кондратьев. «Литературные памятники». Москва, «Наука», 1972. 532 стр.

Сто может быть более любопытно, чем письма поэта? Ведь творческий гений живет не только в своих произведениях — он свободно проявляется во всем: в словах, движениях души, чувствах, в общении с людьми. Прочитать письма и дневники поэта — это значит подойти к нему совсем близко, увидеть его в минуты, когда он остается наедине с собой или с теми, кто ему мил и дорог. Спора нет, ни в чем мы не можем узнать поэта лучше, чем в его стихах, но интимные, необработанные его записи — это тоже он, тоже частица его духа. Когда же в роли автора выступает тот, кто, как Шелли, известен под именем «сердце сердец» — так гласит надпись на его безвременной могиле, — волнение и сопереживание читателей неизбежно очень велики.

В книге «Письма. Статьи. Фрагменты» перед нами проходят письма поэта от 1810 до 1822 года, от школьных лет до последних недель его полной тяжелых испытаний жизни. Поразительно, как быстро развивался и зрел его ум, как не по дням, а по часам росли его образованность, понимание вещей, охват событий. Но при необычайной стремительности его эволюции он всегда остается самим собой. В мысли Шелли с философской точки зрения легко обнаружить противоречия, но в ней — и своя внутренняя последовательность: еще в юности он поклялся отдать все для того, чтобы интеллектуальная красота просветила мир и освободила его от мрачного рабства, — с этим стремлением он и прошел по всему своему пути; с детских лет чужие страдания — стоны обездоленных и истязуемых, духовные муки угнетенных — ранили его больше, чем собственные страдания, — таким он остался до конца; школьником он исступленно предавался чтению и занятиям, забывшая о сне и еде, — так и прожил он до того дня, когда отправился в свое роковое плавание; в отроческие годы он заботился о голодной девочке, об избиваемом осле — в зрелые годы стал защитником человечества. Ирландия, Италия, Греция, преследуемые английским правительством демократы, борники священного «права читать и писать», воспетого еще Бернсом, — вот объекты пылкого заступничества Шелли.

Читатель писем видит, как совершался процесс изживания юношеской наивности. Если в начале все и вся представляется юному поэту в розовом свете, то позднее его взгляд становится более трезвым и требовательным. Он отдает себе отчет в слабо-

СРЕДИ КНИГ

стях человеческой природы, но сохраняет веру в возможность ее совершенствования при ином, более справедливом строе.

благородный, высокий облик поэта, его пылкий, вечно ищущий ум, подкупающая искренность и душевная чистота, готовность жертвовать собой во имя свободы и счастья людей вырисовываются в его переписке со всей отчетливостью и выразительностью.

Подбор писем в новом издании дает представление обо всех сторонах личности и биографии Шелли, о его творческих замыслах. Этому способствуют и отрывки из путевых журналов и записок поэта, посвященных Франции, Швейцарии, Италии. Можно пожалеть лишь о том, что включено сравнительно мало писем последних двух лет. Нередко, исполненные щемящей грусти, они очень важны для понимания трагических мотивов поздней лирики Шелли; они важны также потому, что разрушают традиционный образ «серафического» поэта, чуждого обычным человеческим чувствам.

Из статей Шелли в сборник вошли прелестные маленькие эссе «О жизни» и «О любви». Каждая строчка этих прозаических сочинений поэтична, раскрывает восхищение и изумление автора перед лицом великого чуда бытия, перед загадками страсти.

Рядом с этими эссе хотелось бы видеть эссе «О литературе, искусстве и правах афинян» и «Размышления о морали». Они, по-видимому, не включены из-за ограниченного объема сборника. Это очень жаль, ибо здесь особенно очевиден свойственный мышлению Шелли историзм.

Из политических статей поэта в книгу вошли «Обращение к народу по случаю смерти принцессы Шарлотты» и «Предложение поставить реформу на всенародное голосование», где нашли замечательное воплощение общественные эмоции Шелли и вместе с тем его способность противостоять принятым мнениям.

Даже Байрон считал необходимым отозваться на гибель принцессы прочувственными строками «Чайльд-Гарольда», крайне преувеличивая, в принятом тогда официальном стиле, скорбь народа по поводу этого события. В обстановке официального траура, когда правительственная печать изо всех сил старалась изобразить кончину принцессы как главное бедствие, постигшее отечество, возвысился бесстрашный звонкий голос. Он объяснял англичанам, что как ни печальна смерть совсем молодой, ни в чем не повинной женщины, они понесли гораздо большую потерю, позволив похоронить свою свободу. Разве могут страдания Шарлотты сравниться со страданиями трудового народа ее страны? Прозаическое воззвание перекликается с более поздним стихотворением «Новый национальный гимн», в котором Шелли с притворным смирением молит всевышнего спасти королеву. Только королева эта — Свобода!

Первый из названных памфлетов отличается не столько эмоциональностью, сколько логической, рациональной убедительностью. Это глубокий анализ тогдашнего положения в Англии.

Чрезвычайно интересны включенные в сборник заметки Шелли о скульптуре Рима и Флоренции. Свидетельствуя о художественном вкусе и тонкости суждения, каждый из этих миниатюрных фрагментов позволяет взглянуть глазами влюбленного в красоту поэта на творения ваятелей древности и Возрождения. Больше всех запечатлелось описание Ниобеи: отчаяние, покорность, страстная любовь матери, то, как она, вопреки рассудку, силится уберечь от разгневанных богов свое последнее дитя, — все это передано в немногих строках.

В этих отрывках Шелли предстает перед нами еще одной, сравнительно мало известной своей стороной. А впрочем, что ни страница, то новый поворот мысли, новый оттенок чувства. Отмечу, например, великолепные предисловия поэта к его крупнейшим произведениям — «Восстание Ислама», «Освобожденный Прометей», «Ченчи», «Эллада». Любое из них соединяет насыщенность идеей с поэтической приподнятостью и лиризмом. Все они бесконечно много дают для толкования поэм, представляющего, как известно, немало трудностей.

Любопытный и тоже нетрадиционный взгляд на Шелли открывает его эссе «О Дьяволе и дьяволах». Здесь, больше чем обычно, проявляется юмор поэта. Напомню, например, рассказ его о гадаринских свиньях, которые, согласно евангельской легенде, будучи одержимы бесами, низверглись прямо в пропасть. Торжественно-серьезные рассуждения Шелли об ипохондрии и меланхолии парнокопытных самоубийц очень забавны и в то же время обнаруживают тесную связь рассказчика с вольнодумством французских просветителей.

Сборник «Письма. Статьи. Фрагменты» завершается достаточно обстоятельным комментарием и послесловием А. Елистратовой, написанным горячо, взволнованно, увлеченно. Сравняя поэта с Дон Кихотом, героическим воином безнадежных сражений, А. Елистратова пишет о том, как часто ему приходилось разочаровываться в людях, что, однако, не привело его к разочарованию в человечестве. Автор статьи очень верно говорит о стилистическом блеске переписки поэта, имеющей самостоятельное значение и эстетическую ценность, а некоторые его эссе называет стихотворениями в прозе. Шелли не удалось, отмечает Елистратова, создать ни одного из задуманных им прозаических художественных произведений, но его письма читаются как своего рода эпистолярный роман: жена поэта Мэри даже использовала их при работе над одной из собственных повестей.

Интересны соображения исследователя об отношении Шелли к Байрону. Не преувеличивая близости поэтов (во многих наших историко-литературных трудах они рассматриваются как Кастор и Поллукс или Орест и Пилад!), А. Елистратова подчеркивает широту взгляда Шелли на творчество старшего собрата по перу.

Едва ли не лучшие страницы статьи посвящены самой вдохновенной из теоретических работ Шелли — «Защите поэзии». По

справедливому замечанию автора послесловия, трактат Шелли знаменует преодоление механического материализма просветителей. Такое преодоление в то время было возможно только на основе идеалистического мировоззрения. А. Елистратова решительно отвергает неловкие и внеисторические попытки «защитить» поэта от якобы компрометирующих его обвинений в идеализме.

Понимание поэзии как зеркального отражения жизни диалектически сочетается у Шелли с верой в ее активную преобразующую силу, ее способность видоизменять и даже формировать действительность. Неуклонное стремление к такому преобразующему воздействию на людей и мир поставило поэта вне закона, стало причиной его скитаний, неприкаянности, вечного пребывания в «зоне бурь», по образному выражению А. Елистратовой. Шелли, пишет она, «был поистине последний рыцарь просветительского гуманизма, которому пришлось пережить на собственном личном и общественном опыте историческую трагедию крушения просветительских иллюзий, на обломках которых и возник европейский романтизм».

Письма и статья Шелли вышли в переводе на русский язык к столетию со дня его смерти. Пусть же внимание к ним читателей станет данью уважения светлой памяти поэта.

н. дьяконова

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛУ СИНЯ

Лу Синь. Повести и рассказы. Перевод с китайского. Вступительная статья Л. Эйлина. Составление и общая редакция тома Н. Федоренко. Москва, «Художественная литература», 1971. 429 стр.

С известного китайского художника Чэнь Янь-цяо есть гравюра, на которой изображены дружески беседующие Горький и Лу Синь. На самом деле великие писатели никогда не встречались, но относились друг к другу с глубоким уважением, и гравюра имеет чисто символический смысл. Оживленная беседа основоположников советской и новейшей китайской литературы подчеркивает мысль о традиционной дружбе литератур двух великих народов.

Произведения Горького, как, впрочем, и всех советских писателей, уже давно находятся в Китае под строжайшим запретом. Из творческого наследия великого пролетарского писателя пекинские пропагандисты выхватили всего лишь одну фразу и несколько лет манипулировали ею: «Если враг не сдается — его уничтожают». Вскоре, однако, было наложено вето и на эту фразу.

В свое время Мао Цзэ-дун так писал о Лу Сине: «Лу Синь был самым безупречным, самым отважным, самым решительным, са-

мым преданным, самым пламенным, невиданным доселе национальным героем, который, представляя большинство народа, штурмовал позиции врага на фронте культуры. Направление Лу Синя — это направление новой культуры китайского народа». И вот произведения «национального героя», представляющего «большинство народа», не издаются на его родине.

Некоторые китайские и западные литературоведы делали попытки объявить Лу Синя ярким националистом, противником всего «заморского». Однако на самом деле Лу Синь был подлинным интернационалистом, верным другом Советского Союза, неутомимым пропагандистом советской литературы и искусства. Он переводил Гоголя и Чехова, Горького и Леонида Андреева, Плеханова и Луначарского, Фадеева и Фурманова, Федина и Шолохова и многих других наших писателей, он редактировал и издавал, иногда на свои скудные средства, Достоевского, Блока, Серафимовича, Неверова, Гладкова — всего не перечислить. И надо помнить, что работал Лу Синь тогда в тяжелейших условиях гоминьдановской цензуры, часто рискуя головой. Его другом был слепой русский писатель Василий Ерошенко, человек удивительной судьбы. Об этой дружбе можно прочесть в хорошей книге Р. Белоусова «В тысяче иероглифов». В. Ерошенко посвящен рассказ «Утиная комедия», неоднократно печатавшийся в сборниках Лу Синя.

Разумеется, в сегодняшнем Китае, когда официальная пропаганда нагнетает антисоветскую истерию, Лу Синь — фигура, явно неподходящая для пропагандистских целей. Потому-то для китайского читателя, особенно для молодежи, творчество Лу Синя — за семью печатями.

В нашей стране переводы произведений Лу Синя начали появляться еще при жизни писателя — с 1929 года. С тех пор его книги издавались и переиздавались на русском языке и языках народов СССР много раз и огромными тиражами.

СРЕДИ КНИГ